

ПОМНИТЕ ЛИ, как киплинг-говский Маугли обращался к обитателям джунглей? Он говорил любому из них: «Ты и я — одной крови», — и немедленно получал дружескую поддержку. Перефразируя Редьярда Киплинга, я хочу сказать учителям от имени всех, кто служит искусству театра: «Вы и мы — одной крови!». И, право же, очень жаль, если об этом исключительном родстве забывает кто-либо из нас с той или другой стороны.

Малый театр, который нынче празднует свое 150-летие столь широко и почетно, зародился от любителей искусства — студентов тогда еще очень молодого Московского университета, а вскоре и сам стал, по дружному признанию людей передовой мысли России, «вторым московским университетом». Каждый год и каждый день Малый театр служил высоким задачам просвещения и воспитания.

Нелишне будет вспомнить, что одним из первых зрителей, горячо откликнувшихся на шедевр Прова Михайловича Садовского-старшего — образ Любима Торцова в «Бедность не порок» А. Н. Островского, — был умница-учитель. Мемуары современников донесли до нас эпизод зрительского обсуждения премьеры «Бедность не порок», разгоревшегося в гардеробе театра. Московские снобы были шокированы: павшего человека, пьяницу драматург поставил нравственно выше всех других персонажей пьесы! И только скромный пожилой учитель сумел в нескольких словах защитить замысел автора и воплощение актера. Было это во второй половине XIX века. Как видите, связи учительства с Малым театром давние и по-настоящему братские.

И как странно видеть порой в зрительном зале молодую учительницу, сосредоточенную не на радости общения с большим искусством, а на досадной обязанности гасить вспышки озорства среди своих подопечных. Странно мне это видеть, и, если хотите, знать правду, нисколько не жалею, что педагог опустился до выполнения столь грустной функции. Мне слишком ясно, что предшествовало всему этому. Учительница, сама оторвавшись от живых традиций культуры, не сумела подготовить школьников к встрече с театром, со спектаклем, с актером. Она лишь выполнила скромные обязанности уполномоченного по распространению билетов: сухо и строго предупредила: «Грозу» Островского мы проходим по программе, поэтому все обязаны явиться». Разве так готовят подростка к театру? Тем более, к встрече с Малым театром?!

А ведь учительница могла бы рассказать ребятам о том, с каким трепетом принес свою первую пьесу в Малый театр начинающий драматург — будущий великий А. Н. Островский, как несколько десятилетий он был другом и наставником лучших актеров прославленной русской труппы, как, написав роль Катерины специально для актрисы

Любови Павловны Никулиной-Косицкой, в 1859 году сам готовил ее к премьере. И в исполнении Л. П. Косицкой Катерина была мятежной, сильной, хотя в то же время и поэтичной, то есть именно такой, какой увидел ее и утвердил навеки Добролюбов в своей бессмертной статье «Луч света в темном царстве». Школьники могли бы узнать, как играли Катерину великие актрисы последующих поколений, как «Грозу» ставили в разное время разные режиссеры.

Случись все это, и мы бы не слышали огорчительных для нас хмыканий и хихиканий во время сцены объясне-

Только одно: люди мало читают и не умеют пользоваться книгой. Откуда же такое умение придет к школьнику, если иной учитель сам беспомощен?

И думаю, что уместно привести здесь в пример одного педагога, который поразил нас, актеров Малого театра, своими знаниями и умением анализировать и обобщать. Педагогом этим был политаботник Советской Армии, участник Великой Отечественной войны полковник Леонов.

Я много лет возглавляю Центральную комиссию по культурному шефству над Вооруженными Силами СССР и, разумеется, часто встре-

Шелепиной — одной из первых, кому было присвоено высокое звание заслуженного учителя школы РСФСР, такие слова: «Меня чествуют сегодня мои коллеги и ученики. Я взволнована. И почему-то все время вспоминаю недавнее чествование выдающейся актрисы Малого театра Александры Александровны Яблочкиной. Мне довелось попасть на это торжество всенародной любви. И вот сейчас думаю: какое счастье, что и мне, скромной учительнице, в какой-то мере удалось ощутить сопричастность к делу культуры и знания, которому много лет служит замечательная актриса». И это — пример «чувст-

жет заменить живого актера, многомерность театрального действия. Но, как и прежде, в театру надо готовиться самим и готовить своих питомцев. Как учим мы наших детей ходить, говорить, петь, читать стихи, так надо их учить понимать театр, чувствовать его, ощущать его необходимость.

Я порой на встречах с молодежью рассказываю о том, как работали и работают над ролями лучшие актеры Малого театра. Рассказываю и эпизод из своей творческой биографии. В одном из спектаклей мы с актером Всеволодом Николаевичем Аксеновым должны были выезжать на сцену верхом. Более того, показывать высший класс владения верховой ездой. Можно было бы овладеть несколькими внешними приемами и «обмануть» зрителя. Но мы поступили иначе. Мы обратились за помощью к великому мастеру высшей школы верховой езды Труцци, вставали каждый день в шесть утра и отправлялись на манеж. За короткий срок я ездила, как заправская цирковая наездница. Труцци даже активно уговаривал меня перейти работать в цирк.

Разумеется, я избираю этот пример лишь в целях более яркого и доходчивого ознакомления молодежи с взыскательностью актера. Легче рассказать об этом, чем раскрыть многосложные процессы работы над внутренней стороной образа. И я вижу, как загораются глаза, как вспыхивает интерес к нашему актерскому труду и вслед за тем потоком льются вопросы, касающиеся более сложных его сторон.

Мне бы очень хотелось, чтобы учитель, влюбленный в театр, черпая из театральной нашей литературы сведения о труде актера и режиссера, художника и композитора, вызывал бы в своих учениках столь же активный интерес к лаборатории искусства.

Современного человека эта лаборатория интересует не меньше, чем сам результат — роль или спектакль. Ведь еще в «Евгении Онегине» Александр Сергеевич Пушкин заметил этот нарастающий интерес к «кухне» искусства и ответил на него своими лирическими отступлениями о труде поэта. После него все выдающиеся писатели и поэты России так или иначе сумели рассказать читателям о своей профессии, ее затаенных процессах, мучениях и радостях творчества.

Малый театр всегда включал в себя высокую культуру художников и высокую культуру своих зрителей. В само понятие «Малый театр» входит этот замечательный союз.

150 лет украшает отечественную культуру искусство Малого театра. Вошло оно и в сокровищницу мировой культуры. И то, как приобщаться к ней, что найдут для себя в наших спектаклях молодые зрители, подрастающее поколение советских людей, во многом зависит не только от художественного коллектива театра, но и от учителей, наших ближайших соратников.

Так пусть же нашим девизом постоянно будут прекрасные поэтические слова: «Вы и мы — одной крови!».

ТЕАТР И УЧИТЕЛЬ

ВЫ И МЫ —
ОДНОЙ КРОВИ

Елена ГОГОЛЕВА,
народная артистка СССР

По просьбе «Учительской газеты» наш корреспондент, заслуженный деятель искусств РСФСР А. М. Кравцов встретился с народной артисткой СССР Еленой Николаевной Гоголевой и попросил ее поделиться своими мыслями о проблемах творческого сотрудничества театра и школы, актера и учителя.

Публикуя статью Е. Н. Гоголевой, редакция надеется, что поставленные в ней вопросы взволнуют читателей и они продолжат разговор, начатый замечательной русской актрисой.

ния в любви Бориса и Катерины, как это нам, увы, пришлось услышать недавно. Огорчились мы не за себя — за них, совсем еще молодых людей, которые полное пространство в своих знаниях заполнили цинизмом.

Помню, как трагически-философский монолог героя знаменитой пьесы Г. Гауптмана «Перед заходом солнца» был однажды с недоверием принят школьниками. Увидев на сцене в руках актера нож для разрезания книг и услышав, что таким ножом можно кого-то убить, они рассмеялись, бедняги. Им показалось, что на месте этого нестрашного ножа, должен был появиться кинжал, но актеры то ли по забывчивости, то ли по наивности своей все перепутали. А образная мысль, кстати, не столь сложная, чтобы ее не поняли подростки в возрасте старшеклассников, миновала их разумение. Других их сверстников не миновала, а этих миновала! Значит, о них своевременно не позаботились, не подготовили к восприятию спектакля.

Размышляя над явлениями такого рода, я вспоминаю недавнюю статью в «Известиях». Статью очень доказательную и тревожную. В ней говорилось о том, как порой учителя-словесники теряются перед самостоятельным анализом литературного произведения, как без пособия некоторые не в состоянии вскрыть материал. Что это означает?

Захожу с вашими вчерашними учениками, дорогие коллеги. Там в условиях нелегкой солдатской службы ясно видно, кто воспитывался у хороших педагогов, а кто побывал в руках педагогических бракоделов. Принято считать, что в армии уже не до эрудиции, не до воспитания чувства, не до тонкостей литературы. Но так ли? Пример полковника Леонова блистательно опровергает это ошибочное мнение.

Приехали мы в расположение одной из наших воинских частей. Полковник вызвался стать нашим гидом. И оказалось, что его знания и его понимание поэзии двух великих немецких гуманистов — Ф. Шиллера и И. Гёте столь глубоки и оригинальны, что мы, игравшие в пьесах Шиллера, читавшие со сцены произведения Гёте, возросшие на них, были потрясены и очарованы. По-настоящему высоко исполняет полковник Леонов свою педагогическую миссию: советские воины, воспитываемые им, хорошо понимают, какие духовные ценности человечества охраняют они, защищая мир и счастье братских народов.

Учитель и театр. В России эти два понятия всегда были неразделимы. По-видимому, именно такое трепетное отношение к театру — кафедре благородных мыслей и чувств — продиктовало в свое время, в конце 40-х годов, ростовчанке Евгении Андреевне

ва локтя», которое было, есть и должно быть у нас, актеров и учителей.

Говоря об уважении к театру, к труду его художников, я хочу быть правильно понятой. Не персонального восхищения и трепета перед искусством каждого из нас требуем мы, но благородного уважения к многовековой культуре нашего народа, которую заключает в себе театр. Алексей Максимович Горький был уже всемирно известным писателем, когда художественный руководитель и директор Малого театра Александр Иванович Южин попросил его дать нам пьесу. Алексей Максимович был смущен, как юноша:

— «Старик» мой — не лучшее, что я мог бы представить такому театру, таким актерам. Мне даже как-то неловко, честное слово. И внимание ваше — большая честь для меня...

Великий писатель являл собой высокий образец отношения к театру. Он понимал и другое: у великого театра должен быть великий зритель. Тревожась о качестве пьесы, Горький думал прежде всего о зрителе, о молодежи, которая заполняла в те времена и партер, и «галерею» Малого театра. Тяга к общению с искусством была огромна.

Однако я не могу согласиться с теми, кто полагает, будто нынче, в век радио, телевидения, кинематографа, «температура» интереса к театру упала. Экран никогда не смо-